

В. М. Кириллин

Институт мировой литературы РАН, Московская духовная академия,
Москва, Россия. kvladimirm@mail.ru**ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ПАТРИАРХА ИОАКИМА (САВЕЛОВА)
В ПОСВЯЩЕННОМ ЕМУ ЖИТИИ**

В статье рассматривается сохранившееся только в двух списках Житие патриарха Иоакима. Исследователь обращает внимание на некоторые сюжетно-повествовательные и образно-стилистические особенности текста этого произведения, которые, по его мнению, отражают авторские представления о личностных чертах и характере предстоятеля Русской Церкви как реально-го человека, характеризующегося смирением и послушанием. Автор Жития, следуя агиографическому этикету в изображении героя как праведника, вместе с тем использует приемы бытовой конкретизации и психологизма, позволяющие ему отобразить укоренившиеся в русском обществе понятия о человеческом достоинстве и справедливости, что, в свою очередь, является рефлексом процесса секуляризации литературы XVII в. и сближает его сочинение с новым нарративным вектором русского литературного творчества.

Ключевые слова: агиографическая традиция, Новоспасский монастырь, авторское представление, оценка, характеристика, эпизод, монахи, певчие, новый нарративный вектор в развитии литературы

Житие патриарха Иоакима (26.07.1674–17.03.1690) – редкий памятник поздней древнерусской литературы. Его текст, скорее всего, не был широко известен в русском обществе, ибо сохранился только в двух списках: «Беляевском» (ОР РГБ. Ф. 29 (Собрание И. Д. Беляева). № 29/1535. Л. 1–28)¹ и «Троицком» (ОР РГБ. Ф. 304/II (Дополнительное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 14. Л. 1–97 об.)². Оба были созданы в первой трети XVIII в., то есть спустя чуть ли не 30 лет после кончины патриарха, и отражают, соответственно, первую и вторую редакции произведения, воспроизводя утраченный первоначальный вариант последнего с некоторыми текстовыми потерями, сокращениями и ошибками, которые, возможно, имелись уже в их также утраченных непосредственных протографах. Однако сравнение этих двух списков позволило реконструировать тот его вид, в каком он мог на самом деле выйти из-под пера составителя. В обеих рукописях текст собственно жизнеописания Иоакима сопровождается, если угодно, тематическим литературным конвоем. В «Троицком» списке к нему последовательно примыкают: «Послание к боголюбивому Афонасию»³ (митрополиту Холмогорскому и Важескому [Панич 2002]) о последних днях жизни и кончине «святейшего» Иоакима; текст самого Иоакима, а именно его «духовное завещание»; «Описание краткое» относительно смерти патриарха и «Стихи надгробные», или эпитафия ему. В «Беляевском» списке к этим текстам присовокуплены еще краткий рассказ типа летописной записи о упокоении Иоакима и другая стихотворная эпитафия о нем. Считается, что вся эта подборка из текстов разного времени осуществлена была архимандритом Новоспасского монастыря в Москве Игнатием (Римским-Корсаковым) [Никулин 2009], перу которого, бесспорно, принадлежит второй текст подборки – послание к Афанасию Холмогорскому. Произошло это в промежутке времени от поставления митрополита Казанского Адриана [Белякова] на кафедру патриарха Московского и всея Руси 24 августа 1690 г. (по старому стилю) до хиротонии уже самого Игнатия в митрополита Сибирского и Тобольского 3 апреля 1692 г. [Панич 2010, с. 41–68]⁴.

Итак, текст собственно Жития патриарха Иоакима является частью сложного в жанровом отношении литературного комплекса, составленного одним книжником во имя сохранения памяти об одном лице как деятеле Русской Церкви. Однако должно отметить, вопрос об атрибуции этого текста в научной литературе решался в разное время по-разному. И лишь совсем недавно высказано убеждение, что и он тоже принадлежит перу преосвященного Игнатия [Панич 2010, с. 45–49], который был близок к первоиерарху в последние годы его жизни (по крайней мере с 1680 по 1690 г. [Никулин 2015, с. 39–56]). Впрочем, принадлежность жизнеописания Иоакима перу Игнатия все еще вызывает сомнения [Никулин 2015, с. 183–184]. Тем не менее уместно констатировать: это сочинение вполне изучено

¹ Этот список издан: [Житие и завещание 1879, с. 1–44; Житие и завещание 1896].

² Список был передан в библиотеку Троице-Сергиевой лавры в XIX в. князем А. Н. Шаховским (Шаховской, Алексей Николаевич (1855–1923). Письмо к Леониду (Кавелину), архимандриту. Москва, 1880 апрель 22 // ОР РГБ. Ф. 148 (Архив архимандрита Леонида (Кавелина)). Карт. 10. Ед. хр. 41. 2 (1 ч.) л., 1 п.); имеется электронное издание (URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007992660?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения 25.09.2024)). Описание Троицкого списка Жития: [Барсуков].

³ Здесь и далее древнерусский текст воспроизводится упрощенно, без сохранения орфографии списков памятника.

⁴ Здесь же [Панич 2010, с. 68–94] опубликованы все вышеуказанные источники и среди них Троицкий список Жития Иоакима.

и как литературное произведение, и как исторический источник. Стоит лишь добавить, что значительная роль в этом деле принадлежит современной исследовательнице Т. В. Панич⁵.

Что же представляет собой означенное произведение? Прежде всего, нужно заметить: хотя в жанровом отношении оно и относится к агиографической традиции, его составитель, очевидно, был непоследователен в соблюдении таковой. Так, Житие Иоакима⁶ не предваряется обычным авторским предисловием, отсутствует в нем и послесловие в виде похвалы, очень скупо рассказано о кончине патриарха, почти отсутствуют авторские размышления по поводу излагаемого. Значительная часть текста представляет собой череду кратких, без подробностей, сообщений: о рождении будущего предстоятеля Русской Церкви в Можайске в 1620 или 1621 г. («в лето 7129»⁷), его детстве, женитьбе, военной службе и участии в борьбе с «сопостатами» «в Киевских странах» в 1652 г. («в лето 7160-го году»⁸); о его пострижении в монашество в тамошней Межигорской Преображенской обители, ввиду смерти собственной супруги и детей⁹; его затем недолгом («лета немнога») служении по воле патриарха Никона строителем в Иверском Богородицком монастыре на Валдае, сколько-то, но непродолжительно длившемся отшельническом подвиге там же, трехлетнем («лета три или вящше») послушании, опять-таки по воле Никона, на должности строителя в Новоиерусалимском Воскресенском монастыре под Москвой; затем его двухлетнем («два лета») исполнении обязанностей строителя же, но теперь по рекомендации окольничего боярина Феодора Михайловича Ртищева и указу царя Алексея Михайловича в монастыре Святого Андрея Стратилата в Пленицах, под Москвой, на Воробьевых горах. Далее следует более подробный рассказ о жизни Иоакима уже под устойчивым покровительством царя: о его келарском послушании в Московском Новоспасском монастыре (сюжетно развернуто), о начале его иерейского служения и возведении в сан архимандрита в Московском Чудовом монастыре (немногословно) с последующим вступлением на стезю активной церковно-общественной деятельности в качестве участника Большого Московского собора, затем митрополита Новгородского и, наконец, предстоятеля Русской Церкви, о чем, впрочем, сообщается тоже бегло, непоследовательно и выборочно. Лишь три стилистически трафаретных и оценочных предложения посвящены кончине патриарха. Они завершают текст Жития, при этом собственно известие о его смерти лишено хронологической конкретики и имеет самую общую форму: «в наших временах таковой добродетельный муж тако поживе и житие свое соверши». Предшествуют же данному сообщению два небольших рассказа о чудесных вразумлении и исцелении боярина Михаила Головина⁹, случившихся, по-видимому, незадолго до смерти Иоакима и таящих в себе не высказанную прямо мысль о нем как святом чудотворце. И это всё. Многих известных по другим источникам событий, участником которых был Иоаким, автор Жития совсем не касается. Так, он ничего не сообщает: о двух поездках будущего предстоятеля Русской Церкви к удалившемуся от дел патриарху Никону по поручению Алексея Михайловича; о царском дарении ему, еще Чудовскому архимандриту, права носить мантию со скрижалями и архиерейский посох, принадлежавший некогда Александрийскому патриарху Мелетию I; о его участии в работе Большого Московского собора 1666–1667 гг.; о наведении Иоакимом в духовной среде Новгородской епархии административно-экономического порядка, когда он был там владыкой. По существу, полностью автор умалчивает и о шестнадцатилетней и весьма активной общественно-политической, церковно-преобразовательной (в обрядовом, административном, дисциплинарном, финансово-имущественном аспектах) и благотворительной деятельности Иоакима в последний, первосвятительский, период его жизни [Н. А. А.; Смирнов; Боголюбский, с. 30–45; Карташев, с. 231–255; Лебедев, с. 44–50; Полознев; Богданов, с. 42–314; Булычев; История Русской Православной Церкви, с. 225–267], что совсем уж странно.

⁵ Помимо вышеуказанной работы см. также: [Панич 2011; Панич 2013].

⁶ В данном случае характеристика содержания Жития Иоакима опирается на новейшую публикацию, по которой приводятся цитаты: [Панич 2013, с. 153–164].

⁷ В тексте Жития допущена хронологическая ошибка, ибо решение о переходе Малороссии и ее подданных под власть российского царя было принято только в январе 1654 г. на Переяславской Общевоинской казацкой раде. Вскоре в Киеве разместились первые русские гарнизоны, и в мае того же года началась война с Речью Посполитой, да так, что к лету русская армия заняла уже значительную часть Великого княжества Литовского (Смоленск, Полоцк, Могилев, Витебск, Минск), а 4 августа следующего года царь Алексей Михайлович вошел в Вильно. Одновременно большого успеха русская армия в соединении с полками запорожских казаков добилась и на юге, разгромив поляков под Львовом и заняв его в октябре 1655 г. [Малов, с. 16–20].

⁸ В своем завещании Иоаким точно указывает год своего поступления в Межигорский монастырь – «7163-го года» (1655 г.) [Панич 2013, с. 179].

⁹ Михаил Петрович Головин – русский государственный деятель, представитель влиятельного рода московских бояр, умер в 1689 г. [Славянская энциклопедия, с. 332].

Можно только предположить, что рассматриваемый текст был лишь предварительной заготовкой агиобиографии и почему-то остался без окончательного оформления в канонически и содержательно полноценное житие. Тем не менее в нем имеются некоторые элементы, позволяющие сегодня судить о том, какой личностью представлялся герой этого повествования его автору. Разумеется, данные элементы различаются по степени показательности, ибо одни из них, бесспорно, являются рефлексам литературной этикетной традиции, и в этом отношении их ценность условна, тогда как другие, несомненно, отражают действительность и, соответственно, более характеристичны, если сопрягать их с особенностями человеческой природы того, кого они касались.

К первым, что, прежде всего, бросается в глаза, относятся авторские оценки в виде обстоятельных оборотов и простых определений-эпитетов, изредка сопровождающих упоминания о будущем первоиерархе. Так, постригшись в Межигорском монастыре, Иоаким какое-то время пребывал «во смиренном повиновении (у старца Маркиана. – В. К.), и ничто же от помыслов своих таяше от игумена и от духовника монастырского, но по вся дни исповедаяся по обычаю». Будучи назначен патриархом Никоном строителем в Иверский «на острове Валдае» монастырь, он «кротко повиновашся» ему и «творяше вся дела разумно», и даже какое-то время, «лета некая малая», предавался уединению. Назначенный опять-таки строителем в Новоиерусалимский монастырь, «на Истре», под Москвой, Иоаким «вся творяше и устрояше» там «со всяким усердием», во всем повинаясь «великому архиерею», и «творяша вся дела своя разумно». Под стать этим оценкам автор в разных местах своего повествования, повторяясь, называет своего героя «мужем праведным», «терпеливым», «долготерпеливым», «доброразсудным», «разумным», «трудолюбивым», «добродетельным», «кротким», склонным к «прощению», «смирненным», «смирennemудрым», «тихим». Соответственно, все это характеризует такие его внутренние свойства, как смирение, покаянный настрой, послушливость, здравомыслие, старательность в делах, беззлобие, кротость, усердие в труде, высоконравственность, скромность, забота о порядке в церковной жизни, милосердие. Вместе с тем в Житии отмечается уважительное отношение к Иоакиму со стороны Алексея Михайловича: «И бяше видети в том чин и устроение чрез онаго страителя Иоакима, и в братстве (Андреевского монастыря. – В. К.) порядочное обстоятельство показалось (явлено было. – В. К.) зело изрядно, яко многажды и пресветлому царскому величеству приходит тамо и прославляти Бога за чинное устроение его (монастыря. – В. К.)»; «Пресветлый же великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, велми любяше и почитаху сего архимандрита (Чудова монастыря. – В. К.) Иоакима и на часте сему повелеваше пресветлыя свои государские очи видети, и беседование с ним зело любезно, и в сладость послушаше его о всяких своих царственных делах великих, ведый его мужа праведна и добродетелна, тиха и кротка». Очевидно, эти пассажи – тоже оценка, только косвенная, опосредованная, ибо выходит, что весьма, как известно, по-христиански образованный, умный и благочестивый правитель [К. Б.-Р.; Федоров] очень ценил деловые, интеллектуальные и нравственные черты своего собеседника. Между прочим, не только царь так относился к Иоакиму. Подобный же интерес к себе тот, кому Богом было суждено взойти на первосвятительский престол в Русской Церкви, вызывал и у просвещеннейшего боярина Ф. М. Ртищева [Корсакова; Седов], а также у отца последнего, тоже боярина Михаила Алексеевича [Кашкин]. Это опять-таки показательно: значит, означенным вельможным и весьма влиятельным лицам было о чем поговорить с ним. Наконец, автор Жития, сообщая уже о патриаршем служении Иоакима, дает развернутые прямые характеристики его деяний: 1) «И тако правительством его многия святыя церкви, каменные же и деревянные, очищахуся, и не точию в царствующем граде Москве, но и по сем многия церкви создахуся и освящены быша»; 2) «О милостыни же, еже к нищим, велие попечение имуще и созда в царствующем граде Москве мнози ксенодохи, сииречь болнолежащи. И собирающе слепых, хромых и престарейших, и дающе им неоскудно повседневную пищу и одежду, повсюду же о сем нищелюбие, и протчих же по духу сынов своих и преосвященных архиереев, яко же оным московским болницам из епархий своих дадут некое споможение». Таким образом, надо полагать, отмечены заботы преосвященного первоиерарха о красоте и благочинии Церкви, а именно храмов, а также его радование о благополучии окормляемого им – и духовно, и материально – церковного народа.

Вторую группу свидетельств об Иоакиме составляет рассказ о его отношениях с братией Новоспасского монастыря, в котором он нес послушание келаря, по-прежнему оставаясь просто монахом. Этот рассказ отражает либо собственные воспоминания бывшего предстоятеля, поведенные им кому-то спустя какое-то время, либо исходил от того, кто был свидетелем происшедшего. Описанные в нем события приходится на время патриаршего местоблюстительства митрополита Сарского и Подонского Питирима (1658–1664 гг.) [Устинова], но в Новоспасский монастырь Иоаким попал после двухлетнего пребывания в Андреевском, примерно в 1660–1661 гг., а в августе 1664 г. он был уже переведен в Чудов монастырь, рукоположен в иеромонаха и сразу же возведен в сан архимандрита, так что новоспасским келарем он был, видимо, порядка трех и никак не более четырех лет.

Прежде всего, автор Жития свидетельствует о склонности Иоакима к гигиеническому порядку, ибо, оказавшись в Новоспасском монастыре, первое, что он сделал, – это навел чистоту в трапезной: «Келарь же Иоаким повеле всегда на столы скатерти постилати белыя и по отъядении снимати и просушивати»; установил он и новые правила приема пищи – не из общего горшка (например, братины. – В. К.), а чтобы каждый инок вкушал из отдельной посуды (например, миски. – В. К.): «Повеле же на скатертях и торелкам быти. И тако бысть благочесно и братии радостно». Вместе с тем в Житии обозначена и его забота о качестве еды: «И зело от пищи смотраше, да в сладость повары творят». Заодно подчеркиваются личная скромность Иоакима и строгость к самому себе: «А по скончании братныя трапезы не исхождаше в келию, но на второй трапезе со служителями трапезными сядяше ясти и кроме трапезы разве великия нужды никако же в келлии когда ядыше»; то есть Иоаким, несмотря на свою высокую должность, смиренно довольствовался вкушением пищи вместе с простыми трудниками монастырской кухни. Стремление к отлаженному укладу келарь проявил также и по отношению к бывшим монастырским «слугам и всяким служебным людям», продолжавшим кормиться от монастыря, когда упразднил «неустройство в подавании ястия» им¹⁰ и определил для них твердый размер ежемесячного довольствия, разумно и добролюбиво, таким образом, распорядившись своей властью.

Особый интерес представляют эпизоды, в которых воспроизведены ситуации весьма напряженных отношений между Иоакимом и новоспасскими насельниками. Это эпизод с настоятелем монастыря Прохором¹¹, который, «ненавидяще» своего келаря, однажды заставил его долго ждать себя у двери своей келии. «Иоаким зело терпелив сый, вся сия со благодарением претерпеваше и, егда видево настоятеля сего, о сем никако же порицание, точию моляше о нем Бога, яко да примирит его к нему»¹². Так отмечается и смирение, и выдержанность, и незлобие, и миролюбие будущего патриарха.

Во втором эпизоде рассказывается о возмущении монастырских певчих («доместиков») по поводу того, что им якобы выдают мало хлеба и они не могут «тем насытитися». Иоаким, пригласив двоих из них к себе в келию, «представи им два оныя укруги, яже они глаголаху малии сущии, яко да пред ним снедят я...», и, дав им «по ставнику от житнаго квасу, яко да со удобством насытятся. И понуждаше оную двоицу ясти участки хлеба без остатку. Тии же насытишася половиною тех участков, другую же половину не могуще ясти, вопияху ко пристоящим соклеветом своим, яко таковую напасть на них наведоша, понеже келарь той Иоаким, зело долготерпеливый, нудяше ясти. Видев же их сице убоявшихся и ко вне стоящим вопиющих и глаголющих, яко “хочет, – рекоша, – нас келарь Иоаким сим понуждением, во еже чрез силу ясти, уморити”, отпусти я, ползовав много словесы утешными. Но сице добро-разсудный служитель Иоаким приведе оныя клирики в чюство от безумного шатания их». Данный эпизод, напоминающий патериковые истории или сюжеты из бытовых повестей, опять-таки обнаруживает спокойную выдержку и остроумие героя Жития, позволившие ему убедить разгневанных певчих в их неправоте и привести их «своим разсуждением ко смирению и терпению».

Более острый характер имело другое столкновение Иоакима с новоспасскими насельниками. И вновь его зачинщиками стали певчие («клирицы»). И вновь их возмущение было вызвано качеством пищи. Как-то в субботу по случаю памяти почившего монастырского собрата «подкеларник», то есть помощник Иоакима, выдал братии на поминальную трапезу «рыб белых осолёных», но «солею не ут-

¹⁰ Повара делали это с небрежением.

¹¹ Был новоспасским архимандритом не более двух лет: с 1663 г. до дня своей кончины 10 сентября (по старому стилю) 1664 г. [Строев, стб. 143].

¹² Данный случай, вероятно, произошел в 1663 г. [Давиденко, с. 708].

вердившихся и иструпившу толокнисто»¹³. Монахи разгневались, обвинив непосредственно самого келаря, что он братию кормит «гноем», тогда как сам «добрыя и приправныя яст яди», и заявили, что «наутро» уйдут из монастыря. Больше того, когда наступило время «всенощного пения», они не вышли на клирос, «ждуше, что начнет келарь творити и им глаголати». Недоумевающий Иоаким обращается к архимандриту Прохору с вопросом, когда же начнется служба. Но тот гневно и даже с издевкой ему отвечает: «Иди, – глаголя, – сам на клирос и начинай пение, понеже ненавидиши и оскорбляеши братию!». Тогда Иоаким уже прямо спрашивает клириков, почему они «славословию Божию препону и мешкание» творят. Те же в свое оправдание также прямо обвинили его в том, что он сократил «трапезная ядения» и ухудшил их качество, и под стать настоятелю язвительно предложили ему обойтись без них: «Иди ныне и пребуди один во обители сей, мы бо вси идем з Божиею помощию вон из монастыря». Иоаким же, осознавая свое бессилие перед кривотолками в обители, вновь вопрошает Прохора о происходящем. На этот раз последний, будто очнувшись, нехотя («сквозь зубы») говорит клирикам: «Что вы на клирос не идете?». Видимо, вопрос этот не возымел воздействия на певчих. Так что в ситуацию пришлось вмешаться пребывающему в монастыре на покое «от государевых дел» окольниковому боярину Михаилу Алексеевичу Ртищеву¹⁴, «сигклитику», то есть высшему сановнику в системе власти эпохи царствования Алексея Михайловича. Услышав «небрежительное повеление» архимандрита к братии, Ртищев удивляется их «безумию». В тон ему и келарь Иоаким говорит им о несовместимости «роптания» с «подвигом чернечества». Но монахи продолжают говорить «непокорная». Тогда Михаил Алексеевич прямо пригрозил им, что сообщит о них «великому государю и преосвященному митрополиту (то есть царю и патриаршему местоблюстителю. – В. К.)», предложив при этом Иоакиму «двери трапезы (храма. – В. К.) заключити и сих крамольников не испущать», пока он не исполнит свое боярское обещание. И только после этого «ревностного сигклитикова изречения» «работницы... zelo постыдешеся и абие един по единому, потом и вси, на места своя в лице (на клиросе. – В. К.) стаха и пение всенощное начаша со всякою тихостию, боящеся оного сигклитика, иже о келаре Иоакиме (ради него. – В. К.) велми их словесы жестокими поноси и грозная вещаше». Показательно при этом последующее примирение келаря с новоспасскими певчими и братией. После службы Иоаким обратился к ним с недоумением: «Таковая, – рече, – смущения не хотящи спастися творят, не внимающие о своем спасении; вы же, отцы святии, где сему научистесь, еже мене ради» разгневались и «на Церковь смущением своим вознеистовистесь, и собрания церковного, в нем же вси в молитвах своих услышаны быти надеемся... не восхотесте?». Кто-то из них после этих слов раскаялся. Но некоторые по-прежнему роптали и порывались уйти. «Кроткий же келарь Иоаким просящих прощение прости, подаде прощение, оныя же, жестоковыи, утешаше своими словесы. Увещеваше и Михаила оного, сигклитика, моляше, яко да не сотворит того словеса, еже он ревностию своею и глагола». То есть будущий патриарх, несмотря ни на что, обращает свои смиренные слова к гневающимся на него, дабы успокоить их, а затем даже заступает за них, прося влиятельного боярина не доносить о случившемся высшим властям и явив этим свои миролюбие, великодушие и доброту.

Оба эпизода, бесспорно, отражают типичные реалии жизни русского общества XVII в., на которые указывают другие источники, например, «Иная псалма» («Стих о жизни патриарших певчих»): «...Патриаршим воспевакам, як дуракам, велят им петь гладко, а поят и кормят их гадко...» [Стих, с. 446], или адресованная царю Алексею Михайловичу челобитная будущих актеров придворного театра, отправленных на обучение актерскому мастерству в школу магистра Иоганна Готфрида Грегори: «Царю Государю... самодержцу, быют челом подьячишка Васка Мешалкин с товарищи. В нынешнем, Государь, во 181 году (1673)... отослали нас, холопей твоих, в немецкую слободу для научения камидейного дела... а твоего... жалованья корму нам, холопом твоим, ничего не учинено, и ныне мы... по вся дни... учася... платышком ободрались и сапожишками обносились, а пить-есть нечего и помираем мы... голодною смертию. Милосердный Государь... пожалуй нас... вели... нам свое, великаго государя, жалованье на препитанье поденной корм учинить, чтоб нам... будучи у того комедийнаго дела, голод-

¹³ А. П. Богданов весьма странно интерпретировал это место: будто «подкеларь» поступил иначе, а именно, «сообразив, что соли на стол можно не подавать», а «довольно истолочь часть белорыбицы в толокно – и оной солить еду», выдал братии не испорченную рыбу, а нечто приготовленное из нее взамен дорогой соли [Богданов, с. 54].

¹⁴ Как известно, в Новоспасском монастыре М. А. Ртищев поселился «по обещанию» в 1652 г. и провел здесь «в священном уединении остаток жизни своей», хотя и возвращался изредка к делам государственным.

ною смертью не умереть. Царь Государь, смилуйся!» [Тихонравов, с. 30]. Смысловые акценты в этих примерах, конечно, иные, но важна их фактологическая перекличка с рассматриваемым Житием.

Кроме того, помимо тождества действительности российской жизни, оба конфликтных эпизода, особенно второй, весьма реалистичны в плане психологии конкретных отношений между людьми. Так, скорее всего, появление Иоакима в Новоспасском монастыре не было там желанным и ожидаемым и, естественно, вызвало недовольство и со стороны отца настоятеля, и со стороны братии. Бог весть, до чего бы дошло дело, если бы не выдержка будущего патриарха и не поддержка близкого к царю Алексею Михайловичу боярина, но совершенно очевидно, что в сложившейся весьма неприятной ситуации сам Иоаким, по интерпретации автора Жития, лично явил немалое человеческое великодушие и качества христианина. Именно таким изображен он в новоспасских эпизодах, именно таким знал и помнил его составитель рассматриваемого текста¹⁵.

И вряд ли при этом правомерно думать, что портрет, созданный писателем, лишь дань агиографической традиции, лишь некая авторская идеализация ввиду, например, личного отношения или же предполагаемого причисления Иоакима к лику святых [Богданов, с. 318–319]. Подобное сомнение, казалось бы, должно укрепляться мнением современника Иоакима дьякона Феодора Иванова, который в «Послании из Пустозерска к сыну Максиму» представил патриарха в весьма темном освещении: как человека карьерных устремлений, невежественного славолюбца, подхалима и конформиста¹⁶. Но мнение Феодора, лишенного за приверженность к старому обряду и расколу сана и анафематствованного на Большом Московском соборе в мае 1666 г., а затем сурово наказанного ссылкой на Крайний Север, в низовья реки Печоры [Н. Т.], бесспорно, было мотивировано весьма острой и непримиримой обидой и потому вряд ли может быть принято как объективное и верное.

Между прочим, и само жизнеописание Иоакима подтверждает то, каким человеком он был в реальности. Действительно, приняв иноческий постриг в зрелом – примерно 35 лет от роду – возрасте, Иоаким затем чуть ли не десятилетие, несмотря на высокие в рамках монастырского устройства должности, довольствовался положением простого монаха, смиренно исполняя свои послушания строителя и келаря, хотя, несомненно, мог бы рукоположиться и при его способностях, а также при известной поддержке со стороны власть имущих достичь игуменской степени. Но отнюдь. Это ли не опровергает его обвинение в карьеризме? Кстати, еще в дореволюционной историографии была аргументированно доказана неправомерность усилий некоторых светских ученых вслед за вышеупомянутым Феодором создать негативный образ предпоследнего предстоятеля Русской Церкви [Савелов Л. М. 1895; Савелов Л. М. 1898; Савелов Д. М.]. Невозможно также признать и обвинение Иоакима в невежестве, кстати, исходившее не только из уст сторонников старой веры. Например, о нем как малообразованном человеке отзывались его современники архиепископ Коломенский и Каширский Иосиф, архиепископ Суздальский и Юрьевский Стефан, иеромонах Симеон Полоцкий и его ученик иеромонах Сильвестр Медведев [Титов, с. 425–426; Богданов, с. 218]. Однако первые двое имели личные мотивы не любить и порочить патриарха, а другие двое смотрели на него с высоты своей европейской просвещенности. Скорее всего, образованность Иоакима была традиционной для средневековой русской культуры, то есть начетнической и не ограненной систематическими знаниями. Как бы то ни было, но связанные с именем Иоакима послания и проповеди в пору его первосвятительского служения, полемические, богослужебно-прикладные и историографические литературные труды [Гаврилов; Зиборов; Полознев, с. 491–493; Богданов, с. 97, 115–120; Трофимова; Бульчев, с. 146] свидетельствуют все-таки об обратном, хотя, как установлено, и осуществлялись не без помощи помощников.

Наконец, имеет смысл отметить и то, как построены новоспасские эпизоды в плане фактографической детализации и словоупотребления. Даже по приведенным здесь выдержкам видно, что автор Жития стремился в своем рассказе об этих эпизодах отобразить мельчайшие предметные, поведенческие, настроенческие, обстановочные подробности, используя при этом вполне обыденную лексику, больше связанную с живой речью русского общества XVII в., чем с церковнославянской книжной сти-

¹⁵ Можно предположить, что весь новоспасский рассказ мог быть плодом воспоминаний Михаила Алексеевича Ртищева, умершего в 1677 г. Эти воспоминания через чье-то посредство и дошли до Игнатия Римского-Корсакова, когда он стал в 1685 г. архимандритом Новоспасского монастыря. Но не исключено также и то, что, будучи близким к Иоакиму человеком, Игнатий мог говорить с ним непосредственно о случившемся когда-то, причем не раз, уточняя какие-то детали.

¹⁶ Текст послания опубликован [Материалы, с. 90–261 (характеристика Иоакима на с. 226, 227, 229, 232)].

листикой. И благодаря этому действующие персонажи этих эпизодов, и прежде всего будущий всероссийский первоиерарх, предстают перед читателем не как иконические идеи зла или добра, лжи или правды, а как образы с характерными личностными чертами обзленности, жадности, зависти, простодушия или, напротив, расположенности, находчивости, умудренности, стремления к согласию и т. п. То есть Житие, получается, пронизано теми исторически новыми особенностями, которые решительно отдаляли его текст от канонического литературного обычая. А это, в свою очередь, невозможно не признать очевидным знаком времени.

Итак, рассмотренное жизнеописание святейшего патриарха Иоакима, хоть и не является полноценной агиобиографией и не содержит подробного обозрения всей его жизни, особенно ее первосвятительского периода, тем не менее, воспроизводит довольно живой портрет этого служителя Церкви именно как реального человека, совсем не стремящегося выделиться, но смиренно пребывающего во Христе и в терпеливом послушании по отношению к обстоятельствам, в которых оказывался. Несомненно, такова была воля создателя рассмотренного текста. При этом, однако, последний характеризовал своего героя и в традиции агиографического этикета – как праведника, с разумением следующего заповедям Христовым, а также данным им в иноческом пострижении обетам и, что важнее, несомненно, разделяющего понятия о человеческом достоинстве, благородстве и справедливости, искони, судя по устному народному творчеству [Харитонов; Стрелец], укоренившиеся в сознании русского общества, вопреки известным тенденциям государственного и социального развития, то есть вопреки самодержавию и крепостному праву, стремящимся к абсолютизму и неограниченности тех, кому принадлежит власть, а также вопреки структуризации общества с установлением жестких в правовом отношении сословных рамок. Во всяком случае, об этих понятиях уже начали как-то размышлять в русле секуляризации литературы отдельные русские авторы переводных и оригинальных произведений второй половины XVII в., прибегая вместе с тем к бытовой конкретизации, повествовательной психологичности и упрощенной стилистике [История всемирной литературы, с. 341, 345, 349, 350, 354], то есть к приемам, подходам, особенностям рассказа о событиях и их участниках, аналогичным, как думается, сути и строю новопасских эпизодов Жития Иоакима. Похоже, агиобиограф, с симпатией рассказывая о своем герое, особенно о его новопасском служении, вольно или невольно, но оказался под влиянием нарождающегося нового нарративного вектора в рамках русского литературного творчества.

Источники

- Житие и завещание 1879 – Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима / [С предисл. Николая Барсукова]. СПб., 1879. XX, 149 с.
- Житие и завещание 1896 – Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима, по списку Московского Румянцевского музея // Савелов А. М. Материалы для истории рода дворян Савеловых: (потомство новгородских бояр Савелковых) / Изд. А. М. Савелова. М.; Острогжск, 1896. Т. 2. С. 1–17.
- Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые братством св. Петра митрополита. М., 1881. Т. 6: Историко- и догматико-полемиические сочинения первых расколоучителей. Ч. 3: Сочинения бывшего Благовещенского собора диакона Федора Иванова. XXVIII, 334, [3] с.
- Стих о жизни патриарших певчих // БЛДР. СПб., 2010. Т. 16. С. 446–447.

Литература

- Барсуков Н. Житие московского патриарха Иоакима // Памятники древней письменности. СПб., 1880. Вып. 2. С. 118–126.
- Белякова Е. В. Адриан // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 312–313.
- Богданов А. П. Русские патриархи: 1589–1700: В 2 т. М., 1999. Т. 2. 416 с.
- Боголюбский М. С. Московская иерархия: Патриархи. М., 1895. 52 с.
- Булычев А. А. Иоаким (Савелов) // ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 138–147.
- Гаврилов А. Литературные труды патриарха Иоакима. СПб., 1872. 24 с.
- Давиденко Д. Г. Новоспасский московский в честь Преображения Господня ставропигиальный мужской монастырь // ПЭ. М., 2018. Т. 51. С. 704–709.
- Зиборов В. К. Иоаким // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 53–57.
- История всемирной литературы: В 9 т. М., 1987. Т. 4. 687 с.
- История Русской Православной Церкви. М., 2015. Т. 2. 622 с.
- К. Б.-Р. Алексей Михайлович // Русский биографический словарь / Издан под наблюдением председателя Имп. Русского исторического общества А. А. Половцова. СПб., 1900. Т. 2. С. 23–35.

- Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. 2. 569 с.
- Кашкин Н. Ртищев Михаил Алексеевич // Русский биографический словарь. Пг., 1918. Т. 17. С. 334–342.
- Корсакова В. Ртищев Федор Большой Михайлович // Русский биографический словарь. Пг., 1918. Т. 17. С. 357–366.
- Лебедев Л. Москва патриаршая. М., 1995. 384 с.
- Малов А. В. Русско-Польская война 1654–1667 гг. М., 2006. 48 с.
- Н. А. А. Иоаким // ЧОИДР. 1848. Год 3. № 7. С. 123–136.
- Н. Т. Федор Иванов // Русский биографический словарь / Издан под наблюдением председателя Имп. Русского исторического общества А. А. Половцова. СПб., 1913. Т. 25. С. 275–277.
- Никулин И. А. Игнатий (Римский Корсаков) // ПЭ. М., 2009. Т. 21. С. 125–127.
- Никулин И. А., свящ. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. 313 с.
- Панич Т. В. Афанасий (Любимов) // ПЭ. М., 2002. Т. 4. С. 9–10.
- Панич Т. В. Житие патриарха Иоакима (Вопросы атрибуции, истории текста и литературной специфики памятника) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010. (Археология и источниковедение Сибири; Вып. 29). С. 41–94.
- Панич Т. В. Житие патриарха Иоакима: особенности композиции (к вопросу о специфике агиографического жанра в XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 50–53.
- Панич Т. В. Житие патриарха Иоакима по списку РГБ, Собрание И. Д. Беляева, № 29/1535 // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. Новосибирск, 2013. (Археология и источниковедение Сибири; Вып. 31). С. 140–190.
- Полознев Д. Ф. Московские патриархи Иоасаф II, Питирим, Иоаким и Адриан // Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 7. Приложения. С. 470–495.
- Савелов Д. М. Вековая несправедливость // Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915. С. 81–94.
- Савелов Л. М. В защиту памяти патриарха Иоакима // Русский архив. М., 1895. Год 33. Вып. 4. С. 530–531.
- Савелов Л. М. К биографии Всероссийского патриарха Иоакима Савелова // Русский архив. М., 1898. Год 36. Вып. 9. Обложка.
- Седов П. В. Ртищев Федор Михайлович Большой // ПЭ. М., 2020. Т. 60. С. 338–340.
- Славянская энциклопедия. XVII век: В 2 т. М., 2004. Т. 1. 780 с.
- Смирнов П., свящ. Иоаким, патриарх Московский. М., 1881. 248 с.
- Стрелец Е. Р. Морально-этические компоненты в русском устном народном творчестве: сборник трудов конференции // Актуальные вопросы социальной педагогики и психологии: теория и практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Азов, 19 ноября 2019 г.). Чебоксары, 2019. С. 200–203.
- Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. X с., 1064, 68 стб.
- Титов А. Стефан архиепископ Суздальский // Русский архив. М., 1910. Год 48. Кн. 1. № 3. С. 419–427.
- Тихонравов Н. [С.] Жалостная комедия об Адаме и Еве: Начало русского театра // Летописи русской литературы и древности: 1859–1860. М., 1861. Т. 3. Отд. II. С. 7–47.
- Трофимова Н. В. О некоторых литературных особенностях летописания времени патриарха Иоакима // Макарьевские чтения. М., 2004. Вып. 11: Материалы XI Российской научной конференции, посвященной памяти святителя Макария. С. 220–228.
- Устинова И. А. Питирим // ПЭ. М., 2019. Т. 56. С. 559–562.
- Федоров В. А. Алексей Михайлович Тишайший // ПЭ. М., 2010. Т. 1. С. 631–635.
- Харитонов В. И. Концептуальный анализ фольклорной лексики, характеризующей нравственный мир русского человека. АКД. Белгород, 1997. 18 с.

References

- Barsukov, N. Zhitie moskovskogo patriarkha Ioakima. In *Pamyatniki drevnei pis'mennosti*. Saint Petersburg, 1880. Iss. 2. Pp. 118–126. (In Russ.)
- Belyakova, E. V. Adrian. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2000. Vol. 1. Pp. 312–313. (In Russ.)
- Bogdanov, A. P. Russkie patriarkhi: 1589–1700: In 2 vol. Moscow, 1999. Vol. 2. 416 p. (In Russ.)
- Bogolyubskii, M. S. Moskovskaya ierarkhiya: Patriarkhi. Moscow, 1895. 52 p. (In Russ.)
- Bulychev, A. A. Ioakim (Savelov). In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2010. Vol. 23. Pp. 138–147. (In Russ.)
- Davidenko, D. G. Novospasskii moskovskii v chest' Preobrazheniya Gospodnya stavropigial'nyi muzhskoi monastyr'. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2018. Vol. 51. Pp. 704–709. (In Russ.)
- Fedorov, V. A. Aleksei Mikhailovich Tishaishii. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2010. Vol. 1. Pp. 631–635. (In Russ.)
- Gavrilov, A. Literaturnye trudy patriarkha Ioakima. Saint Petersburg, 1872. 24 p. (In Russ.)
- Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Moscow, 2015. Vol. 2. 622 p. (In Russ.)
- Istoriya vseмирnoi literatury: In 9 vol. Moscow, 1987. Vol. 4. 687 p. (In Russ.)
- K. B.-R. Aleksei Mikhailovich. In *Russkii biograficheskii slovar'*. Ed. A. A. Polovtsov. Saint Petersburg, 1900. Vol. 2. Pp. 23–35. (In Russ.)
- Kartashev, A. V. Ocherki po istorii russkoi tserkvi. Paris, 1959. Vol. 2. 569 p. (In Russ.)
- Kashkin, N. Rtishchev Mikhail Alekseevich. In *Russkii biograficheskii slovar'*. Petrograd, 1918. Vol. 17. Pp. 334–342. (In Russ.)

- Kharitonov, V. I. Kontseptual'nyi analiz fol'klornoi leksiki, kharakterizuyushchei нравственный мир русского человека. Autoabstract of Dissertation for the Degree of Candidate of Philology. Belgorod, 1997. 18 p. (In Russ.)
- Korsakova, V. Rtishchev Feodor Bol'shoi Mikhailovich. In *Russkii biograficheskii slovar'*. Petrograd, 1918. Vol. 17. Pp. 357–366. (In Russ.)
- Lebedev, L. Moskva patriarshaya. Moscow, 1995. 384 p. (In Russ.)
- Malov, A. V. Russko-Pol'skaya voyna 1654–1667 gg. Moscow, 2006. 48 p.
- N. A. A. Ioakim. In *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh*. 1848. Vol. 3. No. 7. Pp. 123–136. (In Russ.)
- N. T. Feodor Ivanov. In *Russkii biograficheskii slovar'*. Ed. A. A. Polovtsov. Saint Petersburg, 1913. Vol. 25. Pp. 275–277. (In Russ.)
- Nikulin, I. A. Ignatii (Rimskii Korsakov). In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2009. Vol. 21. Pp. 125–127. (In Russ.)
- Nikulin, I. A., priest. Preosvyashchenniy Ignatii (Rimskii-Korsakov), mitropolit Sibirskii i Tobol'skii. Ekaterinburg, 2015. 313 p. (In Russ.)
- Panich, T. V. Afanasii (Lyubimov). In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2002. Vol. 4. Pp. 9–10. (In Russ.)
- Panich, T. V. Zhitie patriarkha Ioakima (Voprosy atributsii, istorii teksta i literaturnoi spetsifiki pamyatnika). In *Traditsii otechestvennoi dukhovnoi kul'tury v narrativnykh i dokumental'nykh istochnikakh XV–XXI vv.* Novosibirsk, 2010. (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri; Iss. 29). Pp. 41–94. (In Russ.)
- Panich, T. V. Zhitie patriarkha Ioakima: osobennosti kompozitsii (k voprosu o spetsifike agiograficheskogo zhanra v XVII v.). In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2011. No. 3. Pp. 50–53. (In Russ.)
- Panich, T. V. Zhitie patriarkha Ioakima po spisku RGB, Sobranie I. D. Belyaeva, No. 29/1535. In *Rukopisi XVI–XXI vv.: issledovaniya i publikatsii*. Novosibirsk, 2013. (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri; Iss. 31). Pp. 140–190. (In Russ.)
- Poloznev, D. F. Moskovskie patriarkhi Ioasaf II, Pitirim, Ioakim i Adrian. In *Makar'ii (Bulgakov), mitr. Istoriya Russkoi Tserkvi*. Moscow, 1996. Book 7. Prilozheniya. Pp. 470–495. (In Russ.)
- Savelov, D. M. Vekovaya nespravedlivost'. In *Sbornik statei, posvyashchennykh L. M. Savelovu*. Moscow, 1915. Pp. 81–94. (In Russ.)
- Savelov, L. M. V zashchitu pamyati patriarkha Ioakima. In *Russkii arkhiv*. Moscow, 1895. Vol. 33. Iss. 4. Pp. 530–531. (In Russ.)
- Savelov, L. M. K biografii Vserossiiskogo patriarkha Ioakima Savelova. In *Russkii arkhiv*. Moscow, 1898. Vol. 36. Iss. 9. Cover. (In Russ.)
- Sedov, P. V. Rtishchev Feodor Mikhailovich Bol'shoi. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2020. Vol. 60. Pp. 338–340. (In Russ.)
- Slavyanskaya entsiklopediya. XVII vek: In 2 vol. Moscow, 2004. Vol. 1. 780 p. (In Russ.)
- Smirnov, P., priest. Ioakim, patriarkh Moskovskii. Moscow, 1881. 248 p. (In Russ.)
- Strelets, E. R. Moral'no-eticheskie komponenty v russkom ustnom narodnom tvorchestve: sbornik trudov konferentsii. In *Aktual'nye voprosy sotsial'noi pedagogiki i psikhologii: teoriya i praktika: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Azov, 19 noyabrya 2019 g.)*. Cheboksary, 2019. Pp. 200–203. (In Russ.)
- Stroev, P. M. Spiski ierarkhov i nastoyatelei monastyrei Rossiiskoi Tserkvi. Saint Petersburg, 1877. X p., 1064, 68 col. (In Russ.)
- Tikhonravov, N. [S.] Zhalostnaya komediya ob Adame i Evve: Nachalo russkogo teatra. In *Letopisi russkoi literatury i drevnosti: 1859–1860*. Moscow, 1861. Vol. 3. Chapter II. Pp. 7–47. (In Russ.)
- Titov, A. Stefan arkhiepiskop Suzdal'skii. In *Russkii arkhiv*. Moscow, 1910. God 48. Book 1. No. 3. Pp. 419–427. (In Russ.)
- Trofimova, N. V. O nekotorykh literaturnykh osobennostyakh letopisaniya vremeni patriarkha Ioakima. In *Makar'evskie chteniya*. Moscow, 2004. Iss. 11: Materialy XI Rosciiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati svyatitelya Makariya. Pp. 220–228. (In Russ.)
- Ustinova, I. A. Pitirim. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2019. Vol. 56. Pp. 559–562. (In Russ.)
- Ziborov, V. K. Ioakim. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1993. Iss. 3. Part 2. Pp. 53–57. (In Russ.)

Vladimir M. Kirillin

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow Theological Academy, Moscow, Russia

PERSONAL FEATURES OF PATRIARCH JOACIM (SAVELOV) IN THE LIFE DEDICATED TO HIM

The article examines the Life of Patriarch Joachim, which has survived in only two copies. The researcher draws attention to some plot-narrative and figurative-stylistic features of the text of the work, which, in his opinion, reflect the author's ideas about the personal traits and character of the primate of the Russian Church as a real person, characterized by humility and obedience. At the same time, the author of the life, following the hagiographic etiquette in depicting the hero as a righteous man, uses the techniques of everyday concretization and psychologism, allowing him to display the concepts of human dignity and justice that have taken root in Russian society, which in turn is a reflex of the process of secularization of 17th century literature and brings his life work closer to the new narrative vector of Russian literary creativity.

Keywords: hagiographic tradition, Novospassky Monastery, author's representation, assessment, characterization, an episode, monks, choristers, a new narrative vector in the development of literature

